

И.Л.Судибор

старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

**РОМАН И.С.ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»
В ОЦЕНКЕ Н.Н. СТРАХОВА**

Деятельность Николая Николаевича Страхова была разнообразной: литературный критик, философ, ученый, публицист. Но известен он прежде всего как виднейшая фигура русской литературной критической жизни второй половины XIX века. Без него центральные для эпохи имена И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого непредставимы. Между тем значимость Н.Н. Страхова, оппонента «Современника» и революционных демократов, долгое время замалчивалась. Собрание его статей появилось только в конце XX века [1].

Как критик и публицист Н.Н. Страхов стоял на «почвеннических» и «антинигилистических» позициях. Вслед за А. Григорьевым и Ф.М. Достоевским он осуждал отрыв русской интеллигенции от «родной почвы», от народа, носителя здравых понятий о жизни. «Почвенники» враждебно относились к «западникам», в революции и революционерах видели лишь разрушительное начало. На этом основании возникла полемика Н.Н. Страхова с «Современником». В спорах с М. Антоновичем, в журнально-полемических боях была написана одна из лучших статей Н. Н. Страхова «И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Русский вестник, 1862 г., № 2). Данная критическая работа во многом созвучна с нашими сегодняшними представлениями о романе

И.С.Тургенева и о нигилизме. Проницательными и своевременными представляются слова автора о том, что И.С.Тургенев написал «роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, всегдашний» [1, с. 206]. Н. Н.Страхов заявил о своем сочувствии личности Базарова и не отрицал сочувственной позиции автора по отношению к герою романа, что не помешало ему «квалифицировать нигилизм как течение общественной мысли, бесплодное в настоящем и лишенное перспектив в будущем» [2, с. 601].

Известно, что роман привлек пристальное внимание Ф.М. Достоевского. И.С. Тургенев считал отзыв известного писателя лучшей критикой романа и наиболее глубоким его пониманием. Письмо Ф.М. Достоевского утеряно, об отзыве его мы можем судить лишь по косвенным свидетельствам, в частности, по свидетельству И.С. Тургенева: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял, от изумления – и от удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не считал нужным вымолвить» [1, с. 23].

Н. Скатов восстановил основную идею отзыва Ф.М.Достоевского на основе «Зимних заметок о летних впечатлениях», где Ф.М. Достоевский писал о беспокойном и тоскующем Базарове («признак великого сердца»). Именно в этом ключе рассмотрен образ Базарова в статье Н. Н.Страхова о тургеневском романе, понимавшемся обычно, за исключением статьи Писарева, либо как карикатура на новое поколение вообще и на Добролюбова, в частности (Чернышевский и Антонович), либо как апологетика новых людей (так Базарова оценивала большая часть консервативных критиков).

Трагизм Базарова – вот что увидели Н.Н.Страхов и стоявший с ним тогда рядом Ф.М.Достоевский. Понимание органичности и полноты жизни позволили критику увидеть и *жизненность героя* и то *драматическое отношение к жизни* в целом, которое было свойственно Базарову.

Критики 60-х годов «лихорадочно» спрашивали у И.С.Тургенева: кого он хвалит, кого осуждает, кто у него образец для подражания, кто предмет презрения и негодования, какой это роман – «прогрессивный или ретроградный»? Базарова разбирали в тонкостях и пристрастно: «Базаров пьет шампанское! Базаров играет в карты! Базаров небрежно одевается! Что это значит?.. Одни нашли, что «Отцы и дети» есть сатира на молодое поколение, что все симпатии автора на стороне отцов. Другие говорят, что осмеяны и опозорены в романе отцы, а молодое поколение, напротив, превознесено» [1, с. 183].

Но если читатели недоумевают, то происходит это по одной причине: писатель открыл и показал то, что до сих пор никем еще не было замечено, это тот тип человека, каким предстал главный герой романа. «Базаров есть лицо новое, которого резкие черты мы увидели в первый раз; понятно,

что мы задумываемся над ним» [1, с.183]. Он не выдумка, не плод авторской фантазии, хотя в жизни он еще ясно не обозначился. И.С. Тургенев верен и здесь своему художественному правилу: «он не выдумывает, а создает, не искажает, а только освещает свои фигуры» [1, с.184]. В доказательство Н.Н.Страхов ссылается на мнение Д.И. Писарева, который писал: «Базаров – представитель нашего молодого поколения; в его личности сгруппированы те свойства, которые мелкими долями рассыпаны в массах, и образ этого человека ярко и отчетливо вырисовывается перед воображением читателей» [1, с.186].

Но часть критиков недовольны Базаровым, потому что он отрицает «1) изящество жизни, 2) эстетическое наслаждение, 3) науку» [1, с.187]. Н.Н.Страхов комментирует эти суждения. «Фигура Базарова имеет нечто мрачное и резкое... Он мало заботится о своей наружности и одевается небрежно... В обращении он не любит никаких излишних вежливостей... Базаров прост в высшей степени, и от этого, между прочим, зависит та легкость, с которою он сходится с людьми, начиная от дворовых мальчишек и до Анны Сергеевны» [1, с.188].

Базаров аскет, но особого рода: охотно ест вкусные обеды и пьет шампанское; он не прочь даже поиграть в карты. На этом основании М. Антонович назвал его «обжорой, пьянчужкой и картежником», т.е. И.С.Тургенев якобы унижил Базарова. Но это не так: «Базаров понимает, что есть соблазны более губительные, более растлевающие душу, чем, например, бутылка вина, и он бережется не того, что может погубить тело, а того, что погубляет душу (наслаждение тщеславием, джентльменством, мысленный и сердечный разврат всякого рода для него гораздо противнее и ненавистнее, чем ягоды со сливками...) вот тот высший аскетизм, которому предан Базаров» [1, с. 189]. Однако и чувственные удовольствия Базарову не важны. Он наслаждается ими при случае.

Что касается отношения Базарова к *искусству*, то Н.Н. Страхов не согласился здесь ни с М. Антоновичем, ни с Д. Писаревым. Критик очень глубоко понял именно трагическую сторону во взаимоотношениях Базарова с искусством. Цитируя статью Писарева, в которой тот рассматривает отрицание Базаровым искусства как непоследовательность («Базаров отрицает вещи, которых не знает или не понимает») [1, с.191]. Н.Н.Страхов пишет как раз о последовательности Базарова, видит в этом не противоречивость Базарова, а его цельность и верность себе. «Очевидно, что Базаров смотрит на вещи не так как Д. Писарев. Д. Писарев, по-видимому, признает искусство, а на самом деле он его отвергает, т. е. не признает за ним его настоящего значения.

Базаров прямо отрицает искусство, но отрицает его потому, что глубже понимает его... В этом отношении герой Тургенева несравненно выше своих последователей. В мелодии Шуберта и в стихах Пушкина он ясно слышит враждебное начало; он чувствует их всеувлекающую силу и потому вооружается против них» [1, с. 191].

В чем же состоит эта сила искусства, враждебная Базарову?

1) По мнению Н. Н. Страхова, искусство всегда носит в себе элемент примирения, тогда как Базаров вовсе не желает примириться с жизнью. «Искусство есть идеализм, созерцание, отрешение от жизни и поклонение идеалам; Базаров же реалист, не созерцатель, а деятель, признающий одни действительные явления и отрицающий идеалы» [1, с.192].

2) Искусство – область вечного. Базаров же – весь человек своего времени, сторонник конкретики, практики. Вообще, отрицание искусства есть черта эпохи 60-х гг. XIX века, «антиэстетического века». «Конечно, искусство непобедимо и содержит в себе неистощимую, вечно обновляющуюся силу; тем не менее, веяние нового духа, которое обнаружилось в отрицании искусства, имеет, конечно, глубокое значение» [1, с. 192].

Ощущение национальной жизни позволило Н.Н.Страхову увидеть в Базарове не только общественное явление, социальный характер, но и национальный тип. Саму силу отрицания искусства у Базарова как знамение времени Страхов возвел в более общую степень: «Базаров в этом случае представляет живое воплощение одной из сторон русского духа. Мы вообще мало расположены к изящному; мы для этого слишком трезвы, слишком практичны... Восторженность и высокопарность нам не по нутру; мы больше любим простоту, едкий юмор, насмешку. А на этот счет, как видно из романа, Базаров сам великий художник» [1, с.193]. «Все в нем необыкновенно идет к его сильной натуре. Весьма замечательно, что он, так сказать более русский, чем все остальные лица романа. Его речь отличается простотой, меткостью, насмешливостью и совершенно русским складом» [1, с.198].

На протяжении всей статьи Н.Н. Страхов констатирует, что Базаров есть «*истинный герой*», «несмотря на то, что в нем нет, по-видимому, ничего блестящего и поражающего. С первого его шага к нему приковывается внимание читателя, и все другие лица начинают вращаться около него как около главного центра тяжести. Он всего меньше заинтересован другими лицами, зато другие лица им интересуются. Он никому не навязывается и не напрашивается и, однако же, везде, где появляется, возбуждает самое сильное внимание,

составляет главный предмет чувств и размышлений, любви и ненависти» [1, с. 199]. Базаров имеет превосходство над окружающими его лицами. Все герои романа (и семейство Кирсановых, и Ситников и Кукшина и т. д.) чувствуют его силу. Они сами напрашиваются на более тесные отношения к нему и вовлекают его в драму, которой он вовсе не хотел и даже не предвидел. «Они, конечно, не смущают Базарова; они служат только контрастом, от которого еще резче и рельефнее выступают его ум и сила, его полная неподдельность» [1, с. 200].

Как же рассматривает Н.Н.Страхов отношения Базарова и Анны Сергеевны Одинцовой? Анна Сергеевна – «камень преткновения» для Базарова. Несмотря на все свое хладнокровие, Базаров начинает колебаться («он раз даже сконфузился, а другой раз покраснел»). Не подозревая никакой опасности, твердо надеясь на себя, Базаров едет гостить к Одинцовой. Дело оканчивается, однако же, плохо. В нем загорается слишком сильная страсть, а увлечение Одинцовой не возрастает до настоящей любви. Герой уезжает почти отвергнутый и начинает бранить себя: «Черт знает, что за вздор! Каждый человек на ниточке висит, бездна под ним ежеминутно развернуться может, а он еще сам придумывает себе всякие неприятности, портит свою жизнь» [1, с. 200]. Но, несмотря на эти мудрые рассуждения, Базаров все-таки продолжает портить свою жизнь. Уже после этого урока, во время вторичного посещения Кирсановых, он увлекается Феничкой и идет на дуэль с Павлом Петровичем. «Очевидно, Базаров вовсе не желает и не ждет романа; но роман совершается помимо его железной воли; жизнь, над которою он думал стоять властелином, захватывает его своею широкою волною» [1, с. 200].

«Смерть – такова последняя проба жизни, последняя случайность, которой не ожидал Базаров. Он умирает, но и до последнего мгновения остается чуждым этой жизни, с которой так странно столкнулся, которая встревожила его такими пустяками, заставила наделать таких глупостей и, наконец, погубила его вследствие такой ничтожной причины» [1, с. 201]. Базаров умирает как герой, его смерть производит потрясающее впечатление. До самого последнего вдоха Базаров не изменяет себе. Он сломлен, но не побежден.

И. С. Тургенев, по мнению Н. Н. Страхова, остановился только на одной ступени в развитии своего героя. Тем не менее, на этой стадии развития перед нами явился весь человек, а не «отрывочные его черты». «Живой, цельный человек схвачен автором в каждом действии, в каждом движении Базарова». Герой отрицает жизнь, «но под всеми этими внешними формами льется теплая струя жизни; при всей резкости и деланности своих проявлений – Базаров человек вполне живой, не фантом, не выдумка, а настоящая плоть и кровь. Он отрицается от жизни, а между тем живет глубоко и сильно» [1, с. 202]. «Общие

силы жизни – вот на что устремлено внимание Тургенева. Он показал нам, как воплощаются эти силы в Базарове, в том самом Базарове, который их отрицает... Базаров – это титан, восставший против своей – матери земли; как ни велика его сила, она только свидетельствует о величии силы, его породившей и питающей, но не равняется с матернею силою» [1, с. 208].

Таким образом, Базаров – теоретик, разошедшийся с живой жизнью, но голос этой жизни, вопреки желаемому, звучит в нем, опровергая многие его представления.

Каков же общий смысл романа? Он в том, что живая жизнь сложнее, богаче, величественнее любой теории. В чем состоит «*таинственное нравоучение*», которое вложил И.С. Тургенев в свое произведение? Н.Н. Страхов отвечает: «Базаров отворачивается от природы; не корит его за это Тургенев, а только рисует природу во всей красоте. Базаров не дорожит дружбою и отрекается от романтической любви; не порочит его за это автор, а только изображает дружбу Аркадия к самому Базарову и его счастливую любовь к Кате. Базаров отрицает тесные связи между родителями и детьми; не упрекает его за это автор, а только разворачивает перед нами картину родительской любви. Базаров чуждается жизни; не выставляет автор за это злодеем его, а только показывает нам жизнь во всей красоте» [1, с. 208]. В романе И.С. Тургенева, таким образом, «есть лицо, стоящее выше всех лиц и даже выше Базарова, – жизнь» [1, с. 209].

Так, по мысли Н.Н. Страхова, И.С. Тургенев стоит за вечные начала человеческой жизни, за те основные элементы, которые могут бесконечно изменять свои формы, но, в сущности, всегда остаются неизменными. Распознав в Базарове сильную и последовательную личность деятеля, критик вместе с тем увидел его драму, порожденную противоречием между созиданием живой жизни и бесплодностью ее отрицания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Страхов, Н. Н. Литературная критика / Н.Н. Страхов. – М. : Современник, 1984. – 431 с.
2. Батюто, А.И. «Отцы и дети». Комментарий / А.И. Батюто // И.С. Тургенев: полн. собр. соч. и писем, в 15 т. – М., Л.: Наука, 1964.– Т. 8. – 698 с.